

УДК 17 (091) (043.3)

Е.В. Беляева*канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета***МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
МОДЕРНО-ТРАДИЦИОННЫХ СИСТЕМ ПРАВСТВЕННОСТИ**

При историческом взаимодействии морали модерна с многовековым содержанием традиционной нравственности произошло образование этнополитически разнообразных модерно-традиционных систем нравственности. В странах ранней модернизации элементы мещанского и рыцарского этоса были включены в состав нравственных образцов буржуа и джентльмена. В странах «догоняющей модернизации» некоторые установки традиционной и религиозной нравственности модифицировали свой смысл благодаря способу моральной регуляции, предполагающему автономию индивидуального субъекта. В свою очередь, ценности модерна были подчинены традиционному мировоззрению. Во всех культурных регионах модернизация способствовала формированию индивидуального субъекта нравственной регуляции, но не обязательно приводила к господству принципа индивидуализма. Рационализация нравственного мира также произошла повсеместно, при этом новоевропейский тип рациональности не стал единственно возможным. Наконец, позиционирование нравственности в качестве общечеловеческой ценности стало общепринятой формой морального дискурса.

Введение

Исторически первой формой нравственности модерна была буржуазная мораль, сложившаяся в Европе и Америке, однако впоследствии стало понятно, что путь западных стран не является единственным вариантом модернизации. В современной социологии вполне устойчивым стало представление о «множественности модернов». С точки зрения этики можно сказать, что на общей платформе модерна образовался целый веер своеобразных моделей моральной жизни, в которых элементы модерна оказались синкретизированы с фрагментами традиционной нравственности доиндустриального общества. Результатом взаимодействия двух систем стало образование различных этнополитических разновидностей модерно-традиционной нравственности. В их числе находится и система нравственности белорусского общества, которое, сохраняя традиционалистские основания, пережило уже несколько исторических волн модернизации. Поэтому исследование механизмов образования модерно-традиционных систем нравственности оказывается актуальным как для понимания нравственных процессов в нашей стране, так и для осмысления общей исторической динамики нравственности.

Традиционные нравственные образцы в странах ранней модернизации

Возникновение системы нравственности модерна характеризовалось радикальным изменением способа моральной регуляции и типа нравственной самоорганизации общества по сравнению с традиционной нравственностью. Ее новизна была связана с формированием автономной личности как субъекта морали, способного к рациональной моральной самоорганизации на основе целостной системы нравственных принципов, позиционируемых как общечеловеческие и реализующего эти принципы посредством долга/совести как основного контрольно-императивного механизма моральной регуляции. Коллективными субъектами морали этой эпохи выступали классы и национальные государства, а в нормативно-ценностной структуре стали оформляться такие новые принципы, как индивидуализм, равноправие, гражданский патриотизм, профессионализм. В то же время можно показать, что новая система нравственности не ликвидировала традиционные формы нравственной жизни (как поначалу предполагалось), и современные способы регуляции стали поддерживать некоторые традиционные ценнос-

ти. Результатом такой синкретизации стали мещанский мелкобуржуазный нравственный образец и нравственный образец джентльмена.

Мещанская мораль в структуре традиционной системы нравственности существенно отличалась от той разновидности, которая укрепилась в эпоху модерна с изменением способа моральной регуляции. Как специфическая социальная группа традиционного общества мещанство сложилось в Средние века и включало городских ремесленников и торговцев. Их социальная регуляция представляла собой разновидность традиционной нравственности сословного общества в городской среде. В той мере, в которой буржуа вышли из мещанской среды, мещанская мораль была встроена в систему нравственности модерна. Модерный идеал равенства, который в исходном варианте был обоснованием достоинства каждой личности, в «сниженном» мещанском варианте обусловил популярность такой добродетели, как скромность (в противовес гордости). В отношении базовой нравственной ценности буржуазной морали – принципа индивидуализма – мещанский этос самоопределяется двойственно и парадоксально совмещает индивидуализм с конформизмом. В мещанской среде индивидуализм как способность личности самостоятельно формировать и рационально отстаивать свои моральные убеждения неизбежно порождает конфликт, поэтому мещанский индивидуализм проявлялся преимущественно в сфере потребления. Традиционное трудолюбие средневекового мещанина, предполагавшее добросовестное отношение к делу, под влиянием современного принципа индивидуализма преобразовалось в специфическое профессиональное мастерство, которое стало ядром мещанского этоса. Честность по отношению как к клиентам, так и собратям по профессии всегда входила в число важнейших добродетелей мещанского этоса. В эпоху модерна честность мещан, проявлявшаяся в денежных расчетах, стала моделью общепрофессиональной добродетели. Таким образом, буржуазный нравственный образец модерна обладает преемственностью по отношению к мещанскому образцу традиционной нравственности.

Аристократически-рыцарские моральные установки, которые, как казалось в раннебуржуазную эпоху, должны были утратить актуальность, также были унаследованы некоторыми группами буржуазного общества и, в частности, английскими джентльменами, в морали которых произошла, как показала М. Оссовская, интерференция буржуазных и дворянских личностных образцов [1, с. 427–459]. Среди нравственных качеств джентльмена выделялось благородство со всеми спецификациями, которые были присущи рыцарскому нравственному образу. Инновацией стала мысль о возможности обладания не врожденными, а приобретенными благодаря воспитанию добродетелями. Воспитание в закрытых учебных заведениях со строгой дисциплиной и стремлением к честной состязательности предполагало высокую индивидуальную ответственность. Чувство товарищества стало основой той корпоративности, которая отличала сословие джентльменов от всех других социальных групп, не обладавших должной сплоченностью и самосознанием. В отличие от корпоративности мещан, носившей локальный характер (улица, квартал, городок), джентльмены осознавали единство и братство независимо от места рождения и проживания. Джентльмены образовали особое сословие в обществе, где сословия активно разрушались, а их корпоративность стала своего рода «коллективизмом для индивидуалистов».

Для джентльменов сохранила свое значение аристократическая модель чести, а значит, и добродетели, которые ее обеспечивали. Верность традиции приобрела вид национального патриотизма, верности империи и «британскому духу». Верность слову не только сохранилась в полном объеме, но и стала распространяться на финансовые вопросы, действовала не только среди «своих», но и по отношению к лицу любого социального статуса. В нравственном образце джентльмена традиционные ценности иерархии и служения соединились с современными ценностями равноправия и трудолюбия. Поскольку в той или иной форме труд в буржуазном обществе является обязательным, презрение

к труду, характерное для рыцарства, не декларируется. Однако занятия джентльмена должны быть «чистыми»: работать следует не для заработка, а для общественной пользы или для самовыражения. В противовес буржуазному культу профессионализма из среды джентльменов вышла плеяда блестящих дилетантов, которые внесли вклад в различные сферы культурной и общественной жизни Британии. В отличие от буржуа, вполне легальной целью которого являлось обогащение, джентльмен благодаря устойчивому социальному положению получал возможность смотреть на вещи «с государственной точки зрения», учитывать общественные, а в идеале – общечеловеческие интересы.

Итак, мещанский и рыцарский нравственные образцы традиционного общества сохранились в культуре модерна, но их функционирование стал обеспечивать новый способ моральной регуляции, основанный на самосознании индивидуального субъекта.

Адаптация традиционных нравственных установок к задачам модернизации

В тех обществах, где модернизация была привнесена извне, простое заимствование западных ценностей, обозначаемое как «вестернизация», редко приводило к позитивному результату. Более эффективной оказалась «догоняющая модернизация», порожденная внутренней потребностью некоторого социума соответствовать требованиям современности. Незападные страны стремились обрести собственное представление о «современности» и столкнулись с необходимостью освоить нравственность модерна на базе своих культурно специфичных вариантов традиционной нравственности. Для этого традиционные основания нравственной культуры адаптировались к потребностям модернизации. Опираясь на идею М. Вебера о том, что культура модерна основана на особом типе рациональности, можно предположить, что в традиционном обществе легче всего подвергнутся преобразованию те феномены, которые содержат собственный рациональный элемент. Понятно, что обычаи, привычки и то, что называют менталитетом народа, в силу своего неререфлексивного характера менее всего поддаются рациональному упорядочиванию. Элементы же рационального дискурса, как ни странно, обнаруживаются в религиозных формах духа. Богословские штудии так или иначе формируют культуру логического мышления, которая делает возможным самопреобразование религиозного мировоззрения.

Под влиянием модернизации в странах с традиционалистским наследием возникли религиозные формы, пригодные к обоснованию ценностей модерна. Более того, способ регуляции, присущий современной системе нравственности, имеет определенную корреляцию с утверждением мировых религий о значимости личностного начала. Перенеся акцент с индивидуальности души, данной Богом, на индивидуальность в социальной практике, можно получить достаточно органичный синтез идей. Идея равенства людей как духовных созданий вполне созвучна современной идее равенства людей как разумных существ. Установку на внутреннее самосовершенствование (сколь бы различно они его ни понимали) разделяют обе системы нравственных представлений. Наконец, мысль о том, что истинное моральное поведение движимо внутренними духовными мотивами, обоснованная в доктринах мировых религий, была востребована современной культурой.

Вопреки мнению М. Вебера о непригодности католической доктрины для духовной легитимации капитализма для многих стран Азии и Латинской Америки католицизм оказался «мостиком» в мир модерна. Современная доктрина католической церкви достаточно адекватно отражает реальные социальные процессы. Другим примером адаптации религиозной доктрины к задачам модернизации может послужить судьба буддизма. В XX в. его сакральное знание было упорядочено и рационализировано. Если проинтерпретировать знание буддийских истин как рациональное постижение и отождествить его с «пробуждением», то получится буддийский вариант идеи Просвещения. Столь важная для буддизма медитативная практика перестала противопоставляться жизни в обществе и стала мыслиться как предпосылка успешной деятельности в по-

сюстороннем мире. Интерес к внутреннему миру и склонность к самоанализу роднит буддиста с человеком модерна так же, как и мысль о потенциальном равенстве всех людей в способности к духовной жизни. Буддийское понятие «каруна» (милосердие) приближало человека к пониманию единства всех живых существ в мире, к общечеловеческому единству. В обновленном буддизме вновь был сделан акцент на индивидуальности «пробуждения» и необходимости для этого внутренних личных усилий, а не массовых ритуальных мероприятий. «Буддизм тхеравады преподал род индивидуализма, отличный от индивидуализма Запада» [2, с. 144] и вполне успешно стал нравственным обоснованием модернизации в странах Юго-Восточной Азии. Что касается ислама, то для мусульман торговля всегда считалась богоугодным занятием. Утверждая, что ислам – это образ жизни, а не набор догм, реформаторские течения в исламе не препятствуют развитию самых различных экономических и культурных укладов.

Кроме религиозного обновления механизмом образования модерно-традиционных систем нравственности во многих странах стал процесс переосмысления традиционных ценностей в духе модерна. Ключевой из них является трудолюбие, постепенно приобретающее капиталистические черты. Например, традиционное китайское трудолюбие по своей кропотливости и методичности подобно рационализации труда при капитализме. Однако в результате перенасыщенности трудовыми ресурсами в китайской культуре распространено не протестантское самоограничение, а изначальное умение довольствоваться малым, не методичный профессионализм, а слепое упорство в труде. Не менее знаменитым является и трудолюбие японцев. «Трудолюбие по-японски» отличает две особенности. Во-первых, в его основе лежит высокая квалификация работника, а не просто количество малоквалифицированного труда, как часто бывает в традиционных культурах. Во-вторых, трудолюбие предполагает не смиренное традиционное терпение, но волевое упорство в труде, которое регламентируется принципами этики самураев. Элемент воинского этоса, парадоксально включенный в состав трудовой морали, придал ей особую стойкость. А традиционный личный долг перед императором в современном истолковании понимается как патриотический долг перед своей страной. В основе организации японской корпорации лежат ценности традиционной нравственности: семья и патриархальность, иерархия и коллективизм. Идеальным работником фирмы как большой семьи является «корпоративный человек», а не автономный работник, следующий собственным интересам. В результате нравственной базой модернизации в Японии стал не индивидуализм, а такая разновидность коллективистской ориентации, как корпоративность.

Итак, некоторые феномены традиционной культуры адаптировались к задачам модернизации: мировые религии актуализировали в своей структуре рациональные и индивидуалистические аспекты; традиционный опыт некоторых народов оказался изоморфным установкам современной культуры; особая интерпретация принципа трудолюбия позволила обеспечить преемственность между двумя системами нравственности.

Включение ценностей модерна в контекст традиционной нравственности

Наряду с модернизацией традиционного наследия происходил встречный культурный процесс – включение современных ценностей в мировоззренческий контекст традиционной нравственности. Многие современные ценности: трудолюбие, патриотизм, идея самосовершенствования личности и общества – представлялись обычно вполне приемлемыми, так как имели определенный коррелят в традиционной культуре. Что касается принципа индивидуализма, то национальные культуры либо специфически интерпретировали этот принцип, подчиняя его высшим духовным ценностям, либо формировали собственный вариант современной нравственности без этого принципа.

Мировые религии, столкнувшись с бурными инновациями в социуме, с одной стороны, как уже отмечалось, частично преобразовали свои идейные установки, с дру-

гой – легитимировали новую социальную практику, исходя из своих доктрин, предполагая, что пользование достижениями модерна возможно без заражения его пороками. Как писала Н.Н. Зарубина, в общественном мнении стран Юго-Восточной Азии сложилось убеждение, что «на сферу экономической деятельности должны распространяться базовые ценности буддизма – ненасилие, простота, самосовершенствование... Рациональная хозяйственная деятельность в буддийских обществах связана не с развитием индивидуализма, а с альтруизмом, коллективизмом и солидарностью» [3, с. 53]. В результате индивидуализм изгонялся из системы ценностей, зато утверждался применительно к субъекту регуляции. Ведь именно личность, работающая над собственным совершенствованием, способна реализовать альтруистический проект в мире бизнеса. Интерпретированная в таком духе современная мораль может быть усвоена в незападных обществах.

Идея «исламской экономики» образована аналогичным образом. Мусульманский бизнес представлен в основном не индивидуальными предпринимателями, а товариществами, за которыми стоят родственные кланы. Дела с братьями по вере ведутся на основе честности, взаимной выгоды и уважения к партнеру. Захят (одна из пяти основных обязанностей мусульманина), т.е. жертвование 10% доходов на нужды общины, делает обладание собственностью «негреховным», исполнение традиционного обязательства позволяет человеку пользоваться благами модерна. «На мусульманском Востоке традиционно придается большое значение промериванию личных и профессиональных качеств предпринимателя по шкале “благочестивой дозволенности”», – указывала Е.Ю. Барковская [4, с. 51]. Поскольку все верующие в Аллаха образуют единое религиозное сообщество (умму), внутри него функционируют некие объединяющие ценности, которые и называются «общечеловеческими». Однако базовый для модерна тезис о равенстве людей имеет здесь ограничения: национальная или классовая принадлежность не может быть поводом для привилегий, однако мусульмане не равны немусульманам, а женщина не равна мужчине. Это неравенство так же освящено Аллахом, как и равенство в других аспектах. Подобно тому, как при распространении в традиционных обществах ислам включал в себя местные обычаи, которые с тех пор стали восприниматься как мусульманские, в эпоху модернизации ислам начал ассимилировать ценности модерна, наделяя их религиозным смыслом.

Китайская культура на протяжении тысячелетий была не просто традиционной, но возвела традиционализм в добродетель, культивируемую на уровне государственной идеологии. Поэтому любое обновление социальных отношений в этой стране обычно мыслилось в духе конфуцианского «исправления имен»: нововведение неизменно истолковывалось как восстановление утраченного, исполнение завета предков. Модернизация не стала в этом отношении исключением. «Реформы начала XX в., – отмечала Г.С. Каретина, – проводились под влиянием идеологии политики “самоусиления” и ее принципа “китайское составляет основу, а западное имеет прикладное значение”, причем под основой подразумевалась конфуцианская мораль» [5, с. 23]. Конфуцианство обладает достаточно богатым содержанием и гибкостью, чтобы обосновать социальные перемены. Базовая конфуцианская идея о том, что государство и семья изоморфны в организационном и ценностном отношении, ориентирует на подчинение предпринимательской деятельности этим двум великим ценностям. В частности, семейный бизнес вполне соответствует требованиям конфуцианской морали. Чтобы осуществить модернизацию, ее следовало истолковать как государственную задачу, апеллировать не к индивидуализму отдельного лица, а к солидарным усилиям нации. Эта же модель, поддерживаемая коммунистической идеологией и авторитарными методами правления, реализована и в социалистическом Китае. Модернизация в соседнем с Китаем Тайване также проходила под лозунгом осуществления идеалов конфуцианства, было провозглашено, что своим бизнесом человек должен служить государству и общему благу.

Заклучение

При первичном историческом столкновении современной нравственности с многовековым содержанием нравственности традиционной эти системы выступали как антагонистические, однако с течением времени их взаимодействие дало эффект синергии. Опыт модернизации незападных стран в XX в. показал, что традиционная нравственность и нравственность модерна способны к синкретизации. В результате сложились этнополитически диверсифицированные модерно-традиционные системы нравственности. Произошла адаптация традиционных мировоззренческих систем и институтов к новым задачам, а также встречная модификация современных ценностей в соответствии с культурной спецификой региона. Возникновение современного способа регуляции не предполагало полного отказа от нормативно-ценностной структуры традиционной нравственности. В обществах модерна периферийные элементы традиционной нравственности (мещанский этос) переместились в центр системы; ряд ценностей традиционной нравственности (трудолюбие, патриотизм) модифицировали свое содержание благодаря функционированию в рамках изменившегося способа регуляции; ценности модерна были включены в традиционный мировоззренческий контекст. Во всех культурных регионах модернизация способствовала формированию индивидуального субъекта нравственной регуляции, но не обязательно приводила к господству принципа индивидуализма. Вопрос о рационализации нравственного мира также был решен повсеместно, при этом ново-европейский тип рациональности не стал единственно возможным. Наконец, позиционирование нормативно-ценностной структуры нравственности в качестве общечеловеческой стало общепринятой формой морального дискурса. Таким образом, не ценности модерна, а новый способ регуляции может считаться специфической особенностью данной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Оссовская, М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали / М. Оссовская. – М. : Прогресс, 1987. – 528 с.
2. Sato, Y. The Thai–Khmer village: community, family, ritual and civil society in Northeast Thailand / Y. Sato. – Niigata : Niigata University Press, 2005. – 312 p.
3. Зарубина, Н. Н. Без протестантской этики: проблема социокультурной легитимации предпринимательства в модернизирующихся обществах / Н. Н. Зарубина // Вопр. философии. – 2001. – № 10. – С. 45–56.
4. Барковская, Е. Ю. Мусульманское право и правовая культура : учеб. пособие / Е. Ю. Барковская. – М. : Изд-во РАГС, 2001. – 75 с.
5. Каретина, Г. С. Милитаристы и модернизация Китая / Г. С. Каретина // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации : тез. докл. V междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мировая история, современность, перспективы», Москва, 12–14 окт. 1994 г. : в 2 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока. – М., 1994. – Ч. 2. – С. 22–26.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 04.03.2015

Belyaeva E.V. Mechanisms of Formation of Modern-traditional Morality Systems

At historical interaction between a modern morality and the centuries-old content of traditional morality was the formation of ethno-political variety of modern-traditional systems of morality. In the countries of early modernization the petty-bourgeois elements and knightly ethos have been included in structure of moral models of the bourgeois and the gentleman. In the countries of «catching-up modernization» some ideas of traditional and religious morality modified sense thanks to the process of moral regulation, presupposing the autonomy of the individual subject. In turn, the values of modernity have been subordinated to traditional worldview. In all cultural regions modernization promoted formation of the individual subject of moral regulation, but not necessarily lead to domination of the principle of individualism. Rationalization of the moral world also has occurred everywhere, thus the new European type of rationality did not be the only possible. At last, positioning of morality as a universal became the standard form of a moral discourse.